

— Никаких манер, — Хуай Янь откинул спинку кресла и устроился поудобнее. — Ты мой телохранитель, так что изволишь обращаться ко мне «господин Хуай».

— Вот как? А тот тип, который вроде бы не слишком близко с тобой знаком, только что звал тебя А-Янь. Я-то грешным делом подумал, что мы куда ближе. Всё-таки ночевали под одной крышей.

Сян Мо произнёс это с совершенно невинным видом, будто искренне не понимал, что не так: мол, раз другие зовут тебя А-Янь, то и я просто подхватил — без всякого заднего умысла.

Хуай Янь невольно усмехнулся и бросил взгляд на заднее сиденье через зеркало заднего вида.

Сян Мо уже снял маску и цветные линзы. Волосы слегка растрепались, и он небрежно взъерошил их пятернёй, отчего они превратились в настоящий вороний куст. Из-за линз глаза у него сильно устали: по белкам расплзлась тонкая сетка красных сосудов. Сян Мо усиленно замигал, а потом растёр веки тыльной стороной ладони.

Вытянув из пачки влажную салфетку, Хуай Янь протянул её назад:

— Не три руками. Глазам больно?

Сян Мо взял салфетку и кое-как протёр зудевшие уголки глаз. Зуд задел и нос — Сян Мо звонко чихнул и буркнул:

— Похоже, непривычно. Режет немного.

Хуай Янь мысленно прикинул дорогу — до дома оставалось минут двадцать.

— Дома есть хорошая эмульсия. Я попрошу Анно приготовить её к нашему приезду.

— Не надо, — возразил Сян Мо. — Я к тебе сегодня не поеду. Сразу к себе отправлюсь.

Хуай Янь повернул голову к окну. Ночь давно вступила в свои права, однако широкие проспекты Подземного города всё так же заливал яркий, почти дневной свет фонарей. На асфальт ложились длинные тени деревьев, и машина стремительно рассекала этот призрачный узор.

Память у Хуай Яня была цепкой. Разглядев знакомые ориентиры, он быстро понял, что они мчат по магистрали второго кольца, неподалёку от Центрального квартала — от его собственного дома это было рукой подать.

— Высади меня там, откуда ближе всего к выходу из Подземного города, — продолжал Сян Мо.
— Переночую на улице Миинь, а утром надо в больницу. Если завтра за Сяо Синем приедут, я обязан быть рядом. Как-никак, я их опекун.

Голос Сян Мо звучал ровно, но Хуай Янь уловил за этой сдержанностью глухую усталость. Когда человек взваливает на себя слишком много, а реальность немилосердно давит со всех сторон, невидимый груз проблем накрывает его, словно чугунный казан.

Но Сян Мо всё равно держал спину: пока ноги врастают в землю, а позвоночник не переломлен, он будет стоять до последнего.

— Детей же целая орава. Как ты один со всеми справляешься?

— Делаю то, что в моих силах, — отозвался Сян Мо. — Они у меня смышлённые, хлопот почти не доставляют. Старшие присматривают за младшими, младшие слушаются старших.

Он помедлил, давя подступающую к горлу тяжесть, но в голосе взяла верх привычная, звенящая ясность:

— А что до меня... Будь то старшие или мелюзга, они зовут меня «брат Мо» да «дядюшка Мо». Раз зовут — значит, надо отвечать. По-другому никак.

Хуай Янь велел шофёру развернуться на перекрёстке и брать курс прямо на улицу Миинь: он поедет вместе с Сян Мо.

По крайней мере сейчас, когда тот случайно обронил едва заметную крупичку своей уязвимости, Хуай Янь просто не мог бросить его одного.

— Так или иначе, с Луань Хунъяном я смогу договориться, — произнёс Хуай Янь. — Если завтра возникнут сложности, я возьму удар на себя.

Сян Мо понимал, что тот искренне хочет помочь. Поджав губы, он пробормотал:

— Тебе правда... не нужно со мной...

Запнулся на полуслове. Глаза снова зачесались, и он опять принялся протирать их салфеткой, так и не закончив мысль.

А ведь хотел сказать: «Тебе не нужно тащиться со мной, тебя это вообще не касается. Мы ведь едва знакомы. И если ты делаешь это только потому, что я похож на Чжу Чэньюаня, то тем более не бери на себя чужой крест».

И в то же время внутри Сян Мо вспыхнуло странное, непреодолимое чувство. Он вдруг поймал себя на невольной зависти к этому Чжу Чэньюаню. Раз уж Хуай Янь так заботится о нём только из-за внешнего сходства, то что же он сделал бы для самого Чжу Чэньюаня? Наверное, душу бы вынул и отдал без остатка?

Хотя, по правде говоря, Хуай Янь и сейчас выворачивался наизнанку — просто потому, что до сих пор считал его Чжу Чэньюанем.

Сян Мо знал: улица Миинь и Подземный город находятся рядом, но разделяет их целая пропасть. Это два совершенно разных мира.

Настоящие холёные господа из Подземного города никогда не спускаются на Миинь. Возможно, от рождения и до самой смерти такой человек, как Хуай Янь — недостижимый, сияющий недостижимым светом, — не должен был пересечься с ним ни единым взглядом.

— Кстати, — спросил Сян Мо, — как ты вообще оказался в том номере в ту ночь?

Хуай Янь положил руку на край оконной рамы и стал ритмично постукивать указательным пальцем по металлу. Он вкратце пересказал события той ночи.

— Настоящее совпадение, — усмехнулся Сян Мо.

Палец Хуай Яня замер.

— Наше настоящее состоит из бесконечной вереницы совпадений. И только оглядываясь назад, понимаешь: каждое из них было предопределено судьбой.

Сян Мо был абсолютно согласен с этой мыслью. Воспоминание о той ночи до сих пор вызывало у него улыбку — он и сам не знал почему, просто всё произошедшее казалось каким-то невероятным чудом.

Совершенно незнакомый человек врывается в номер, пропахший вульгарным парфюмом и забитый эротической атрибутикой, сжимает в руке острый клинок, приставляет его к горлу и заявляет: «Живой ты или призрак — мне плевать, вставай и пошли разводиться».

— А почему вы с Чжу Чэньюанем решили развестись?

Хуай Янь опустил веки и издал неопределённый горловой звук. Взгляд его стал туманным и рассеянным, а ответ прозвучал лениво:

— Сам бы хотел знать. В этой истории ещё слишком много загадок.

Часы посещений в больнице давно закончились, поэтому Сян Мо повёл Хуай Яня прямо к себе.

По дороге отовсюду только и слышалось: «Брат Мо!» да «Сноха!».

Улица Миинь не ведала смены дня и ночи. Хотя отдельные заведения — вроде больниц и школ — ещё пытались придерживаться привычного распорядка, для большинства местных обитателей понятия «день» и «ночь» давно стёрлись. Это был истинный рай для ночных тварей, бурлящий двадцать четыре часа в сутки.

Проходя мимо круглосуточной аптеки, Хуай Янь увлёк Сян Мо внутрь и купил пузырёк противовоспалительных глазных капель. На Миинь медицинские пункты процветали: драки и поножовщина происходили здесь непрерывно, так что аптечные лавки работали без перерывов и выходных, разжиться лекарством не составило труда.

Когда они подходили к своей квартире в переулке 68, пьяный сосед как раз пытался попасть ключом в замочную скважину. Заметив идущую рядом пару, он уставился на них мутным от алкоголя взглядом, а его заплетающийся язык выдал:

— Да что ж такое-то... Почему каждый раз, как вы тайком милуетесь, я оказываюсь свидетелем? Слышь, Сян Мо, хорош прятаться, открывайтесь уже! Ты мужик или кто?..

Сян Мо отомкнул замок и на ходу бросил соседу:

— Ты что, не слышал, как в переулке гудят? Его уже все снохой зовут. Так что у нас всё официально!

Тот, кто только что заявлял об «официальности», едва переступив порог, тут же засуетился.

Сян Мо сменил постельное бельё в спальне и достал комплект своего свежевystиранного домашнего костюма.

Жильё у него состояло всего из одной комнаты, но зато имелось несколько раскладушек — на случай, если детвора останется ночевать.

Привычным движением он разложил одну из них, принёс из спальни второе одеяло и подушку.

— Ложись в спальне, а я устроюсь здесь, снаружи. В ванной есть новая зубная щётка, посмотри в боковом ящике. Я пока наберу лечащему врачу Сяо Синя. Располагайся, не стесняйся.

Хуай Янь действительно не стал жеманиться. В квартире Сян Мо царствовали чистота и порядок. Приняв душ, Хуай Янь присел на край кровати: матрас оказался жестковат — совсем не то, к чему он привык дома.

Вся обстановка в том доме подбиралась ими с Чжу Чэньюанем совместно. Хуай Янь отличался высокой чувствительностью к качеству сна, поэтому матрас для хозяйской спальни изготавливался по индивидуальному заказу — его анатомическая форма и наполнители идеальным образом подходили для их тел, а уж о цене и говорить не приходилось.

Облачённый в чужую пижаму, пропитавшуюся ненавязчивым ароматом стирального порошка, Хуай Янь лежал на твёрдой постели и ворочался с боку на бок. Сон не шёл.

В голове крутилось брошенное Сян Мо «А-Янь», бередя душу и лишая покоя.

Достав телефон, Хуай Янь снова открыл отчёт, который для него подготовил Ци Елян, и принялся перечитывать сведения о личности Сян Мо.

Досье занимало всего несколько скромных страниц, причём львиная доля записей относилась к последним трём годам.

До этого рубежа биография Сян Мо представляла собой классический портрет уроженца улицы Миинь. Он ничем не отличался от сотен местных бродяг: здесь родился, здесь вырос, прозябая в каком-то неприметном трущобном углу.

Раскопать более подробные сведения не представлялось возможным. На улице Миинь царила дикая текучка кадров, а единого реестра жителей просто не существовало.

У людей, барахтающихся на самом дне жизни, есть лишь одно-единственное желание — выжить любой ценой. Их волнует только текущий момент, они почти не заглядывают в завтрашний день.

А уж кто там соседствует с ними — мужчина или женщина, жив он или мёртв, как его зовут и сколько у него глаз да ушей — мало кого заботило.

Соседи у Сян Мо менялись непрерывно. Когда Ци Елян попытался расспросить обитателей трущоб о том, каким Сян Мо был три года назад, одни утверждали, что помнят его, другие качали головой, но ни в чём не были уверены.

Что же касается истории с отравлением, ночью страсти и уличной дракой, о которой упоминал сам Сян Мо, то проверить её оказалось и вовсе невозможно — все эти подробности существовали исключительно в его собственных воспоминаниях.

Перелом наступил три года назад: Сян Мо неожиданно развил на Миинь бурную деятельность.

Сначала он привёл домой одного сироту, затем второго... А в итоге стал приющать всех бездомных ребятишек без разбору, независимо от возраста. Со временем он выбил спонсорскую помощь и умудрился организовать маленький детский приют. А после того как Сян Мо спас Линь Цянькуня, отец парня щедро профинансировал строительство начальной и средней школ.

Сам Сян Мо постоянной работы не имел: три года назад он открыл собственное частное детективное агентство «Ватсон» и перебивался тем, что разыскивал сбежавших кошек и собак да отслеживал неверных супругов.

Так, шаг за шагом, он превратился в ключевую фигуру улицы Миинь. Сян Мо знали практически все, но знали лишь того Сян Мо, который появился за последние три года.

Глядя на сухие строчки отчёта, которые с натяжкой можно было назвать доказательствами, Хуай Янь чувствовал, как сжимается от щемящей тоски сердце.

Впрочем, предаваться печали долго не пришлось: дверь в спальню отворилась.

В комнату вошёл Сян Мо, вытирая полотенцем влажные волосы. Судя по всему, он только что вышел из душа. Воротник его пижамы намок и потемнел, а от самого тела ещё веяло едва уловимым паром.

— Ты чего?..

Подняв взгляд, Сян Мо замер на пороге, уставившись на лежащего на кровати гостя. Рука с полотенцем так и застыла у него на макушке.

Впрочем, он быстро опомнился и сделал шаг назад:

— Прости! Задумался о своём... Привык жить один и совсем забыл, что в доме кто-то есть.

Заметив, что от горячей воды его глаза покраснели ещё сильнее, Хуай Янь сбросил одеяло, поднялся с кровати и указал пальцем:

— Глаза совсем красные. Помочь капнуть лекарство?

— Да ну, экая невидаль — капли залить...

Сян Мо пару раз интенсивно тёр мокрые пряди и, протянув эту фразу с ироничной интонацией, развернулся и вышел из комнаты.

Едва Хуай Янь собрался снова прилечь, как в спальне опять раздались шаги.

Вернувшийся Сян Мо сжимал в кулаке свежкупленные глазные капли. Оглядевшись по сторонам и не найдя свободного стула, он просто подошёл к кровати и с ходу плюхнулся на неё спиной. Длинные ноги остались свисать с края. Вытаращившись в потолок, он повернул голову к Хуай Яню.

Оказывается, то незавершённое предложение вовсе не закончилось. Хуай Янь с улыбкой выслушал ровное продолжение, пока Сян Мо чуть заметно повел подбородком:

—...с такой ерундой, так и быть, покорнейше прошу помочь, господин Хуай.

<http://bllate.org/book/20433/2131561>